

— Кое-какие зацепки есть, но моя логика пока недостаточно стройна, и без реальных доказательств я ничего не скажу. Ты сначала проверь.

— Хорошо, проверь, где он был и кого видел в те дни, когда произошёл инцидент.

— Ладно, жду твоих новостей.

Тан Сю говорил по телефону с обычной лёгкостью, одновременно подойдя к зеркалу и с помощью ватного диска и средства для снятия макияжа стирая с лица искусственную кровь. Искусственные слёзы капнули в глаза, смывая красноту, и ощущение бледности и отчаяния мгновенно исчезло. Он улыбнулся Цзян Цяо в зеркале, ведя себя непринуждённо.

Цзян Цяо снова вздохнул с облегчения.

Впервые за всю свою карьеру режиссёра он так глубоко проникся ролью актёра, что это было почти стыдно. Но в тот момент он действительно был одержим, хотел бросить всё и обнять Тан Сю.

Однако, остыв, он подумал, что это было к лучшему, иначе Старший Предок мог бы растеряться и на глазах у всех шлёпнуть его.

Закончив с делами, Лу Канцзин не спешил вешать трубку, а спросил:

— Как у тебя в съёмочной группе, всё нормально?

— Всё хорошо, сняли несколько сцен для разных этапов роли, уже вошёл в образ.

— Хм... — В голосе Лу Канцзина слышалось удивление. — Ты первый, кого я вижу таким расслабленным после начала работы в группе Цзян Цяо.

Тан Сю улыбнулся, но ничего не сказал. Лу Канцзин снова спросил:

— Как ты ладишь с Цзян Цяо, всё хорошо?

В зеркале Цзян Цяо уже начал нервничать. Тан Сю переложил телефон в другую руку и, глядя на него, улыбнулся. — Хорошо. Это просто отношения старшего и младшего.

Лу Канцзин, естественно, подумал, что старший — это Цзян Цяо, а младший — Тан Сю, и с восхищением сказал:

— Ладно, тогда продолжай стараться, я вешаю трубку. Я сразу же начну проверку, спасибо тебе.

— Не за что.

Тан Сю повесил трубку и повернулся к Цзян Цяо. — Что случилось, режиссёр?

Цзян Цяо подошёл и глубоко вздохнул. — Ничего, просто посмотреть на тебя.

Тан Сю с недоумением посмотрел на него. — На меня?... Неужели последний дубль получился плохо?

— Нет. — Цзян Цяо стиснул зубы. — Ты сыграл... слишком пугающе, я пришёл проверить, как ты.

Услышав это, Тан Сю едва не рассмеялся, но, увидев серьёзное выражение лица мужчины, решил, что будет неуважительно смеяться, и сдержался.

— Ну, теперь ты увидел, что со мной всё в порядке. У режиссёра ещё есть дела?

Цзян Цяо немного смутился и отступил на шаг. — Нет.

— Тогда...

— Пойдём поесть.

Тан Сю кивнул и вышел, сделав два шага, затем обернулся и с улыбкой сказал Цзян Цяо:

— Режиссёр, почему вы так нервничаете? Вы даже заикаетесь.

Цзян Цяо замер.

Он не знал, удивился ли он вопросу или этим прекрасным глазам.

Ясным, блестящим, радостным и прекрасным, совсем не похожим на те, что были в кадре, полные отчаяния.

Цзян Цяо глубоко вздохнул и потер свои скулы.

Он, вероятно, действительно слишком увлёкся.

Сегодня утром в сцене было задействовано много людей, и актёры, играющие ключевые роли, уже пришли на обед. Тан Сю издали увидел, как Ху Гуанжань выбирает обеденный лоток, а затем садится напротив Ван Юя.

Цзян Цяо прошёл мимо Тан Сю и, указав на место рядом с Ван Юем, сказал Ху Гуанжаню:

— Садись сюда.

Ху Гуанжань удивился. — Режиссёр?

— Все личные разборки оставь до окончания съёмок. В группе так не делай.

Ху Гуанжань не двинулся с места, и Ван Юй сам пододвинулся к нему. Ху Гуанжань явно разозлился, сразу же отодвинулся, а Ван Юй тихо сказал:

— Прости за тот случай, не держи зла.

Цзян Цяо смотрел на это, и Ху Гуанжань не посмел наглеть, поэтому после паузы сказал:

— Давайте поедим.

Чжан Кайсин и Чэнь Бин сразу же предложили всем сесть и начать есть. Тан Сю, как обычно, сел рядом с Цзян Цяо. За столом все оживлённо разговаривали, и Тан Сю вдруг спросил Чэнь Бина:

— Учитель, в прошлый раз я видел, как вы писали кистью, это было действительно здорово. Давайте как-нибудь посоревнуемся.

Все за столом удивились, и Цзян Цяо спросил:

— Ты тоже пишешь каллиграфию?

Но как только он задал вопрос, то понял, что это было глупо. Старший Предок прожил десять тысяч лет, неужели он не умеет писать каллиграфию?

Цзян Цяо молча положил в рот большую ложку риса.

Тан Сю внутренне посмеялся, но сдержал улыбку. Чэнь Бин кивнул ему:

— Хорошо, тебе тоже нравится каллиграфия?

— Очень. В прошлый раз забыл вам сказать. — Тан Сю краем глаза наблюдал за реакцией Ху Гуанжана и спросил:

— Гуанжань, а ты как пишешь?

Реакция Ху Гуанжана была спокойной, без напряжения или уклонения, что немного удивило Тан Сю.

Он, казалось, всё ещё был погружён в досаду от необходимости сидеть рядом с Ван Юем, и, накладывая еду, сказал:

— Я пишу ужасно, не то что каллиграфию, даже ручкой писать не могу нормально, не обращайтесь ко мне.

Вечером Тан Сю сам постучал в дверь Цзян Цяо.

— Режиссёр, когда проходили пробы на «Плаху для лис», ты сам проводил собеседование с Ху Гуанжанем?

Цзян Цяо кивнул. — Да.

— Тогда...

— Я знаю, что тебе нужно. — Цзян Цяо провёл его во внутреннюю комнату. Уже за обедом, когда Тан Сю проверял Ху Гуанжана на каллиграфию, он догадался, что тот хочет, и сразу же попросил ассистента прислать сканы анкет, которые заполняли актёры на пробах.

Тан Сю открыл файл на телефоне и просмотрел анкеты каждого.

Чэнь Бин писал красиво, похоже на тот образец, который лежал на его столе.

Почерк Ван Юя был обычным, среди всех анкет он не выделялся.

Тан Сю в основном интересовался почерком Ху Гуанжана. Ху Гуанжань не врал, его почерк, хотя и старался быть аккуратным, был некрасивым. Этот человек, видимо, редко писал, и в процессе допустил много ошибок, в простой анкете было несколько исправлений.

Цзян Цяо сказал:

— На самом деле Ху Гуанжань кое-что скрыл. Ты спрашивал, что он изучал в университете, но он не учился в университете.

— Что? — Тан Сю удивлённо поднял голову. — Солгал?

— Нет. — Цзян Цяо покачал головой. — Ху Гуанжань после средней школы пошёл в техникум, а затем в колледж, но не закончил его и попал в эту индустрию. Он изучал компьютерные технологии и программное обеспечение, и так как он не был профессионально обучен и не имел высшего образования, он всегда избегал публичного обсуждения своей образовательной квалификации, так что это нельзя назвать ложью.

— Понятно.

Тан Сю слегка нахмурился. Изначально он предполагал, что Ху Гуанжань, возможно, из-за чувств к Сун Мянью, завидовал Лу Канцзину. Из ревности он снял и опубликовал видео, где Сун Мянью избивает Лу Канцзина, надеясь, что Сун Мянью будет вынуждена рассказать правду и тем самым погубить Лу Канцзина, но не ожидал, что Сун Мянью возьмёт вину на себя. После этого, используя свои знания в области компьютерных программ, он удалил видео с камер наблюдения и, чтобы продолжить вредить Лу Канцзину, подделал его почерк в письме отцу Сун Мянью.

Ху Гуанжань намеренно имитировал манеры Лу Канцзина, у него было многолетнее образование в области программирования, всё это было доказательствами, но только почерк не сходился.

Человек, умеющий подделывать чужой почерк, никак не мог быть неумелым в написании собственного.

Тан Сю размышлял, как вдруг его телефон завибрировал, и он получил сообщение от Лу Канцзина.

[Вряд ли это тот, о ком ты говорил. В те дни он был на мероприятии в другом городе, и это было в прямом эфире.]

Цзян Цяо подошёл и посмотрел на экран:

— Я думаю, тебе не стоит заикливаться на Ху Гуанжане, у этого парня не хватает мозгов, чтобы сделать что-то серьёзное.

Тан Сю, «...»

Это что, презрение от режиссёра?

Ху Гуанжань вряд ли обрадуется, услышав, как Цзян Цяо его защищает.

Цзян Цяо, видя, как Тан Сю стоит с опущенными уголками губ, вдруг вспомнил последний кадр сегодняшнего дня, где тот был полон ярости и отчаяния, и по сравнению с этим текущий Тан Сю казался ему невероятно милым.

Он даже невольно захотел потрогать голову или лицо Старшего Предка, но подумал, что это было бы слишком дерзко, и молча опустил руку.

— Ты спрашивал Ван Юя и Ху Гуанжана, почему они тогда подрались? — спросил Цзян Цяо.

Тан Сю кивнул. — Говорят, Ван Юй отобрал у Ху Гуанжана место в зимнем шоу.

[Авторских примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16171/1449881>